литрес
АЛЕКСАНДРА ПЛЕН
КОРОЛЕВСКАЯ
ШКОЛА
ЛЕДЫШКА

Королевская школа

Александра Плен

Королевская школа. Ледышка

«Александра Плен»

2024

Плен А.

Королевская школа. Ледышка / А. Плен — «Александра Плен», 2024 — (Королевская школа)

Я всегда знала, что мужа выберут мне родители. Точнее, отец. Увы, это проблема всех девочек, которым посчастливилось или наоборот – не посчастливилось, родиться в королевской семье. Принцессы не могут по своему желанию выходить замуж – об этом мне говорили чуть ли не с пеленок. Гувернантки, фрейлины, немногочисленные подруги и… мама.
- А как же любовь? – спрашивала я у нее, когда была маленькой. Когда повзрослела, то интерес к этому вопросу по понятным причинам угас. Но тогда, в пять лет, наслушавшись сказок, которыми перед сном баловала няня, я в нее еще верила. - Любовь королева может испытывать только к своим детям, - ответила она. И это правда. Я никогда не замечала особенных чувств между родителями. Они вели себя словно чужие люди. Со временем это стало для меня нормой. И, в конце концов, я сама поверила в то, что долг перед страной важнее собственного счастья. История Эдварда и Лии. Можно читать отдельно.

© Плен А., 2024
© Александра Плен, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Александра Плен
Королевская школа. Ледышка

Глава 1

Я всегда знала, что мужа выберут мне родители. Точнее, отец. Увы, это проблема всех девочек, которым посчастливилось – или, наоборот, не посчастливилось – родиться в королевской семье. Принцессы не могут по своему желанию выходить замуж – об этом мне говорили чуть ли не с пеленок. Гувернантки, фрейлины, немногочисленные подруги и… мама.

– А как же любовь? – спрашивала я у нее, когда была маленькой. Когда повзрослела, то интерес к этому вопросу по понятным причинам угас. Но тогда, в пять лет, наслушавшись сказок, которыми перед сном баловала няня, я в нее еще верила.

– Любовь королева может испытывать только к своим детям, – ответила она.

И это правда. Я никогда не замечала особенных чувств между родителями. Они вели себя словно чужие люди. Со временем это стало для меня нормой. И в конце концов я сама поверила в то, что долг перед страной важнее собственного счастья.

Конечно, я мечтала… Какие девочки не грезят о великой любви, услышав или прочитав очередную романтическую историю? В семь лет я познакомилась с мальчишкой-конюхом, который ухаживал за моим пони, и начала мечтать о том, как вдруг он окажется потерянным принцем, которого недоброжелатели выкрали в младенчестве из соседней страны… Или в десять, когда впервые попала на взрослый бал… О мужественном рыцаре, влюбившемся в меня без памяти. Он увезет меня в свой неприступный замок, наплевав на опасность, угрозу бедности, гнев короля, отлучение от двора и пересуды недоброжелателей.

Эти мечты помогали мне, прячась за равнодушной маской, выносить холодность отца, насмешки фрейлин, безучастность слуг, презрение жениха.

Да, я была помолвлена, как и все принцессы чуть ли не с рождения. Но в двенадцать, когда до свадьбы с младшим сыном соседнего королевства оставалось два года, отец вдруг разорвал помолвку. Оказалось, что ко мне посватался претендент более высокого ранга, да что говорить – самого высокого в нашем мире. Король огромной страны великий Эдвард Рем, могущественный правитель магического государства. Естественно, отец был неимоверно горд и счастлив. А я?.. Мне и в том и в этом случае слова не давали.

В четырнадцать лет я должна буду отправиться через горный перевал в далекую Альтею. Увы, за время помолвки я ничуточки не похорошела и, как и в десять, двенадцать, четырнадцать лет, оставалась гадким утенком. Худая, нескладная, с плоской грудью и узкими бедрами. Почему в нашей холодной северной стране этот возраст считается подходящим для замужества? Что во мне может понравиться нормальному мужчине? Да и ровеснику тоже? Я читала, что в других странах женятся гораздо позже. В шестнадцать и даже в восемнадцать… Может быть, к тому времени у меня хотя бы грудь выросла.

С другой стороны, зачем мне привлекательность? У мужа будут фаворитки. У моего отца их, например, целых три. А мама только радуется, что они занимают весь его досуг. А сама тратит время на сплетни в кругу фрейлин, примерки нарядов, украшений, организацию балов и сводничество.

Среди четырех детей я самая младшая. У меня есть две сестры, Селеста и Виола, и брат Руфус. После моего рождения мама не закрыла двери своей спальни, но папа к ней больше не приходил, посчитав, что четверых отпрысков ему достаточно.

Моя самая старшая сестра давно уже замужем, в последний раз я видела ее семь лет назад: она приезжала вместе с мужем и двумя детьми на похороны нашего деда – предыдущего

короля Островерха Горегора Третьего. И заодно на коронацию нашего отца – Брана Горегора Четвертого.

Дурацкое название королевства – Островерх. Мой прапрадед постарался… Раньше королевство называлось Бристаль. По-моему, гораздо красивее. Но так как почти всю территорию страны занимают горы, а наша экономика держится лишь на металлах и драгоценных камнях, которые добывают в недрах, ему пришла в голову умная мысль о переименовании.

В год переименования случилось еще одно событие, более интересное: прапрадед за огромные деньги, почти половину годового бюджета государства, пригласил из Альтеи наследника рода Тургов, чтобы тот воздействовал магией на местные растения. Тогда в наших библиотеках и появились первые сведения о волшебниках, способных вырастить яблоки в снегах.

Арий Тург жил во дворце два года, за это время он модифицировал несколько видов злаковых культур, фруктовых деревьев, сделав их устойчивыми к холоду. И у нас наконец люди перестали умирать от голода.

Прапрадед хвалился, что его поступок был самым умным вложением денег в истории. Правда, много лет подряд королевству приходилось экономить буквально на всем: закрылись школы и больницы, уволили половину слуг во дворце, не проводились балы и праздники. Но ничего. Зато за короткое прохладное лето успевала поспеть пшеница и кукуруза, а в садах собирали спелые яблоки, а не недозревшую кислятину.

Руфус еще не женат, хотя и помолвлен с семи лет. В свои восемнадцать он интересуется лишь охотой, выпивкой да флиртом с маминими фрейлинами. Близка я была лишь с Виолой, нас разделяет всего четыре года. Она моя любимая сестра, лучшая подруга, компаньонка, единомышленница, верная соучастница моих проказ. Но и она вышла замуж, уехала в другую страну, оставив меня одну в огромном мрачном холодном дворце, наполненном слугами, родственниками, бездельниками и просителями. Одну среди толпы народу. Глупости говорят, что в десять лет девочка еще ребенок. Принцессы взрослеют быстро. Особенно в нашем королевстве, где выдают замуж в четырнадцать.

– С тобой поедет леди Фенистра де Морей, – обрадовала меня мама, когда напутствовала в дорогу.

Перед глазами всплыло лицо первой фрейлины: прозрачные рыбьи глаза, мясистый нос, тяжелый подбородок, постоянно кривящиеся губы. Она олицетворяла все, что я ненавижу больше всего: двуличие, сплетни, злословие, доносы. Даже имя у нее было мерзкое, как и она сама. Морей на нашем языке означает могила. Именно она заперла меня в спальне на три месяца, именно она била меня по рукам тростью, именно она уговорила отца разорвать помолвку Виолы с сыном его старшего советника и выдать замуж за короля Кальмии.

Фенистра была дальней родственницей отца, я презирала ее всеми фибрами души, но тогда, после слов матери, ни один мускул не дрогнул у меня на лице.

– Конечно, мама, – мой голос звучал почтительно и скромно, – я очень уважаю леди де Морей.

Путешествие к жениху затянулось на два долгих месяца. Вереница повозок, груженных личными вещами, приданым, подарками, шла черепашьем шагом. А большую часть пути мы вообще передвигались пешком, так как кареты и телеги не проходили по ширине – путь через границу лежал по узким горным тропам.

Общих границ с Альтеей у нас не было. Чтобы добраться, пришлось пересекать два небольших государства – Дортес и Кальмию. Хорошо, что у нас с ними были хорошие соседские отношения. Именно в Кальмии королевой сейчас была моя любимая Виола. И больше всего на свете мне хотелось ее повидать.

Когда мы перешли границу, я равнодушно поинтересовалась у Фенистры:

– Мы же посетим королевский дворец? Столица всего в дне пути от границы. Мама передала Виоле подарки.

Только бы эта гадина не увидела в моих глазах сумасшедшей надежды, не почувствовала мою слабость – страстное желание увидеть сестру.

– Нам лучше не отвлекаться от маршрута, – губы Фенистры скривились в понимающей ухмылке, – я уже отправила во дворец караван со слугами. Вам, ваше высочество, не о чем беспокоиться. Сейчас королева в положении, вряд ли она будет рада гостям.

Я высокомерно кивнула и отвернулась к окошку. Прости, Виола, навещу позже, когда сама стану королевой. Надеюсь, муж не откажет в такой малости.

На границе с Альтеей мы пересели в поезд. Так встречающие назвали это стальное чудо. Я ни разу не видела и, конечно же, не ездила на подобном транспорте. В нашем королевстве лишь горы и холмы, телеги да сани.

Вагон, в котором меня разместили, был роскошнее покоев в королевском дворце Островерха. Две спальни с отдельными ванными комнатами, гостиная, столовая, библиотека-кабинет и открытая площадка на крыше вагона с мягкими диванчиками. Она и стала моим любимым местом, где я проводила почти все время. Я безумно наслаждалась поездкой, все десять дней, пока мы ехали в Шалир, столицу королевства. Смогла, наконец, отдохнуть, отоспаться, прочитать две жалкие книжонки, что взяла из дома, о стране, где собиралась править. Ничего путного в них не было, только слухи и выдумки. Но хоть что-то.

Я жутко волновалась перед встречей с Эдвардом Ремом. Очень много о нем слышала, и плохого, и хорошего. Но встреча прошла быстро и словно мимоходом. Мой жених ограничился сухими шаблонными фразами, которые коряво перевела Фенистра, отпихнув в сторону переводчика, приставленного ко мне еще на границе. Оказывается, она в юности немного жила в Альтее и знала язык. Может быть, поэтому ее отправили со мной? А не потому, что мне нужен был надзиратель?

На следующий день после нашего приезда в Шалире начались недельные празднества, посвященные королевской помолвке. Балы, маскарады, народные гуляния. Моей единственной обязанностью было стоять рядом с королем и мило улыбаться. Я была смущена, ошеломлена и растеряна, но старалась вести себя невозмутимо, хоть и не понимала ни единого слова, а Фенистра переводила лишь то, что считала нужным.

Торжества закончились, и обо мне забыли. Задвинули в самый дальний угол дворца, выделили роскошные покои, приставили слуг. Неделями я видела перед собой лишь одну Фенистру. Она была моим единственным связующим звеном с миром – делегацию Островерха отправили с подарками домой, а от переводчика избавилась она сама.

От нее же я и узнала, что Эдвард хотел отослать меня в школу чуть ли не сразу же после приезда. Но советники отговорили: «Как принцесса будет слушать лекции, если не знает языка, не умеет читать и писать?» В итоге обучение отложили на год.

Моя «любимая» фрейлина постоянно стремилась меня унизить. Ей нравилось подчеркивать холодность и равнодушие жениха, нравилось намекать на мою «некрасивость», худобу, бледность, нравилось, что Эдвард жаждет отправить подальше от себя на несколько лет. На самом деле я была счастлива попасть в знаменитую Королевскую школу. О ней я слышала только хорошее. Образование там давали великолепное, и почти все ученики, ее закончившие, получали высокие должности при дворе.

В Островерхе аристократов учили дома. А принцесс и вовсе по минимуму. Чтение, письмо, по чуть-чуть музыки, рисования, танцев и… этикет. С утра до вечера. Все, что я знаю об окружающем мире, я узнала из книг. Дни, недели, месяцы я проводила в дворцовой библиотеке, благо никто этого делать не запрещал – до четырнадцати, возраста замужества, я была совершенно свободна.

В Альтее же с образованием было все отлично. И попасть в Королевскую школу считалось престижным для всех, даже для ариев. Ими в Альтее называли потомков магических семей. Раньше магов было много, а сейчас осталось всего четыре: Зорги, умеющие двигать

горы, Креи, работающие с металлом, Фархи, разговаривающие с животными, и Турги, выращивающие диковинные растения. Недавно королевство лишилось магии Горнов – перемещения. Последний из их представителей умер в тюрьме. Тяжелая потеря. Там вообще была странная запутанная история, связанная с предательством и недавней войной. Вроде как Горн перешел на сторону врага и помогал им в уничтожении и захвате Альтеи. Увы, более подробно мне никто не рассказывал. Фенистра, пользуясь тем, что я не знаю языка, приносила лишь слухи, не всегда правдивые.

Глава 2

Год я прожила в детском крыле дворца. Не знаю, на что рассчитывали строители, построив такое сооружение. Если только на то, что бедная королева будет способна родить пару десятков наследников. В огромном отдельно стоящем здании высотой в три этажа, украшенном, словно пряничный домик, башенками, балкончиками и цветочной лепниной, было около пятидесяти роскошных апартаментов из нескольких комнат. Кухня, бальный зал, оранжерея, библиотека и так далее. Дворец вообще был похож на город в городе. Он занимал гигантскую площадь в несколько тысяч акров.

Первые месяцы я только и делала, что блаженствовала от всего, что меня окружает: воздуха, природы, видов за окном. У нас в Островерхе чахлая растительность, унылый пейзаж, короткое прохладное лето и длинная суровая зима. Всюду, куда ни посмотришь, горы. Они закрывают горизонт, сдавливая, словно в тисках. Места мало, даже наш дворец построен на скале, так как долины отданы под поля. Людей тоже мало. Во всем королевстве насчитывают не более трех миллионов. Живет население охотой, рыбалкой, разведением коз и овец, скудным земледелием. Также работают в шахтах и рудниках. Есть и плюс в такой жизни: она мирная. В нашем королевстве самая маленькая армия, так как на нас никто не нападает. Границы проходят через узкие перевалы, открытые для торговли только летом. Зимой они непроходимы.

В Альтее же много солнца, лесов, рек, теплый мягкий климат, ярко-синее небо и безумно вкусный воздух. Меня даже ноющая и ворчащая Фенистра, таскавшаяся за мной постоянно, не беспокоила. Я часами гуляла по парку и просто дышала. Не могла насмотреться на цветы, траву, деревья, пытаясь, сколько влезет, вобрать в себя эту красоту и великолепие.

Виделись мы с женихом редко – лишь на праздниках и торжественных балах, где нашу пару показывали народу, как бы говоря: не переживайте за короля, у него есть невеста, и никуда она пока не делась. Будущая свекровь, королева-мать Альтеи, не появлялась во дворце. Она жила в роскошном вдовьем поместье на отдельном острове в Южном море, хотя еще не являлась вдовой. Бывший король, ее муж, был жив. Его я не видела вообще ни разу, а Фенистра донесла сплетню, что отец Эдварда совершенно сошел с ума и сейчас заперт в одном из замков провинции Шалира. А еще что весь род Ремов проклят и его представители поголовно заканчивают свою жизнь в безумии.

Словам Фенистры я не доверяла, а выспрашивать что-то у жениха о его семье боялась. Рядом с ним я жутко робела, съеживалась от страха, выдавая за вечер лишь несколько слов дрожащим голосом. Видимо, он решил, что в невесты ему досталась не только уродина, но и дурочка, потому что вскоре вообще перестал ко мне обращаться. Лишь здоровался и прощался.

Если я правильно поняла, в королевстве самой большой проблемой сейчас было отсутствие наследников. Это беспокоило и Совет, и ариев, и газетчиков, и простой люд. На балах единственным пожеланием нашей паре было пожелание скорейшего потомства. Дошло до того, что у меня выработался нервный рефлекс на эту фразу. Боюсь, не только у меня. Жених тоже каждый раз морщился, словно от мигрени.

Короля в стране любили. Удивительно. Как можно любить эту стылую глыбу?

Он замораживал похлеще наших северных ледников. Нет, мне в какой-то мере повезло. Эдвард Рем прилично себя вел – ни злости, ни ненависти я к нему не испытывала. Он не оскорблял меня прилюдно, как мой прошлый жених, не выпячивал любовниц, хотя я знала, что они у него есть. Сплетни о фаворитках мне приносила «верная» Фенистра, хоть я о них ее и не просила и вполне бы прожила без этих подробностей.

Чем дольше я жила в Альтее, тем больше мне здесь нравилось. И технический прогресс, механические повозки, дирижабли в небе; и открытость королевской семьи, свобода печати;

и даже иногда критика королевских указов. Демократия как понятие редко существует среди государств. Например, в Островерхе оно отсутствует напрочь.

А особенно мне нравилось то, что совершеннолетие здесь наступает в семнадцать-восемнадцать лет.

Я была благодарна жениху за сдержанность. Он производил впечатление умного, рассудительного человека. Значит, я могла надеяться после свадьбы хотя бы на уважение. Мы же сумеем договориться? Мама говорила, что воспитанные люди всегда могут найти общий язык. С папой она его нашла.

Лишь однажды я увидела на лице короля отблеск настоящих эмоций. В день торжества по случаю моего приезда. Весь вечер он стоял рядом неподвижный и холодный, как ледяная статуя. Я тоже старалась соответствовать, хотя мне было безумно интересно. Справа от трона переливалась и сверкала великолепная инсталляция – личный подарок королю Островерха от короля Эдварда. Для ее создания были привлечены все четыре магические семьи. Рассматривать ее можно было бесконечно, чем я и занималась весь вечер, иногда отвлекаясь на поздравления особ, приближенных к трону.

Я заметила эту пару издалека. Заметил ее и мой жених, как-то сразу выпрямившись и напрягшись. Во время приветствия девушка подошла к кусту золотых роз и сорвала полураспустившийся бутон. «Крей», – мелькнуло в голове родовое имя. Та, кто умеет покорять металл.

– Бывшая главная фаворитка со своим мужем арием Хорном, – справа прошипела на ухо Фенистра.

Девушка была очень красива. Но не это меня поразило. Я видела много красавиц. Во дворце уродин нет. Моя мать, ее фрейлины, любовницы отца были первыми красавицами королевства. Я мечтала стать когда-нибудь похожей на них, но пока в зеркале отражается лишь моя худая угловатая фигура с блеклым, словно припорошенным снегом, лицом, белыми ресницами и бровями.

Поразил меня ее муж. Вот кто привлекал к себе особенное внимание. Он походил на прекрасного принца из моих любимых сказок: голубоглазый блондин с изогнутыми в очаровательной улыбке губами и ямочками на щеках. Арий Хорн преклонил передо мной колено, учтиво поцеловал воздух над ладонью и что-то произнес мягким ласкающим слух голосом. Наверное, какие-то пожелания. Я ничего не поняла, но его слова были как музыка – слушала бы и слушала бесконечно. А затем… он повернулся к девушке, и у меня тоскливо сжалось сердце, потому что в этом взгляде было столько любви, сколько я не видела за все четырнадцать лет своей жизни.

И не увижу…

Я впервые пожалела, что родилась принцессой. Не будет у меня такого красивого мужа, не будет он на меня смотреть, как на самую великую драгоценность, не будет между нами этого сумасшедшего притяжения, которое ощущают все вокруг.

Девушка, стоящая рядом с ним, была его вселенной. Его солнцем, луной, воздухом. Это было так завораживающе прекрасно, что слезы выступили на глазах. Я выпрямилась до хруста в позвоночнике. Мой удел – холодный мужчина рядом. С узким, хищным, некрасивым лицом, крючковатым длинным носом. Он за весь вечер не сказал мне ни единого слова, да что говорить – даже не глянул в мою сторону. Зато в спину девушки смотрел так, словно она унесла в руках его сердце.

«Неужели мой жених способен любить? – мелькнула тогда в голове мысль. – Способен на искренние чувства? Что произошло? Она была его фавориткой и вышла замуж за другого? Конечно, тот парень потрясающий красавец, но Эдвард король. Это гораздо выгоднее».

Спустя несколько дней Фенистра рассказала мне пылкую и трагическую историю их любви. Естественно, меня не спрашивали, хочу ли я ее знать. Почему бы не уколоть лишний раз маленькую невесту?

Они втроем учились в Королевской школе – Эдвард, Дениза Крей и Торус Хорн. И уже тогда за девушку шла нешуточная борьба. Ее магические способности были нужны всем. Эдвард безумно любил Денизу и объявил своей главной фавориткой еще на третьем году обучения. А Торус был обручен с наследницей еще одной великой семьи ариев – Оттаной Нурв. В общем, даже не любовный треугольник, а многоугольник какой-то.

Хоть мне и было интересно, но часть презрительных слов Фенистры прошла мимо. Роскошные и безумные вечеринки Торуса, скандал на балу, сорванная свадьба, лишение наследства… Голос моей фрейлины сочился ядом и завистью. Я не хотела измазаться в этой грязи. Вычленила лишь сухие факты. Денизу прочили в королевы, Эдвард даже собирался объявить о помолвке, но она изменила ему с бабником Хорном, который до нее соблазнил огромное количество девушек. В биографии у Хорна были две отмененные помолвки, поэтому третьей бы ему не простили. Пришлось жениться. Не думаю, что он сильно сопротивлялся, я не заметила на лице красавца Хорна какого-либо неудовольствия. Наоборот, всем было видно – он боготворит свою жену.

А вот Эдвард измену фаворитке не простил – выгнал ее из столицы, навечно запретив появляться во дворце.

Вранье. Нет в нем ненависти. Я видела в глазах Эдварда лишь любовь и бесконечную тоску.

– Так что вам крупно повезло, ваше высочество, – закончила Фенистра ехидно, – если бы ария Крей не оказалась изменницей, вас уже бы готовили к свадьбе с младшим сыном Цетодуса.

Да, повезло… Меня передернуло от отвращения, но на лице не отразилось ничего – я не дам Фенистре ни малейшего повода для злорадства. Даже эта ледяная глыба, которая любит другую, лучше, чем мой бывший жених.

Эдвард Рем был некрасив. Но до тех пор, пока не посмотришь ему в глаза. После этого его красота или отсутствие оной переставали иметь значение. Аура властности, присущая этому мужчине, ощущалась как что-то материальное и осязаемое. Я читала, что Ремы давным-давно владели даром улавливать эмоции, желания и даже заставлять человека делать что-то против его воли. Страшное умение. Хорошо, что они его лишились. Но не лишились этого тяжелого гнетущего фона, постоянно окружающего короля.

Сейчас ему двадцать три. А престол он занял в двадцать. Принцу пришлось быстро повзрослеть. Сначала погиб его любимый старший брат, Эдвард стал наследником, надеждой и опорой королевства. Потом скандал с сумасшествием отца, волнения в стране, почти что революция, и… вишенкой на торте – война, которая закончилась совсем недавно.

Мы все быстро взрослеем. Такая у нас судьба. Тело не поспевает за головой. Например, я выгляжу как угловатый подросток, а чувствую себя как умудренная опытом женщина. У нас на севере не принято показывать свои эмоции. Все ходят с такими лицами, словно их сначала заморозили в леднике, а потом привели в бальный зал королевского дворца и заставили веселиться.

Но я переплюнула всех. Маму, отца, брата, сестер… Всех во дворце. Из четырех наследников короля Горегора я умела владеть лицом лучше всех. У меня даже прозвище было «Ледышка». Его дал мне мой бывший жених Куртан из рода Цетодусов, третий младший сын короля Пилеи.

Он был почти моим ровесником, всего на год старше. Постоянно оскорблял, ставил подножки, щипал до синяков, до слез. На мои жалобы мама лишь отвечала, что невеста должна принимать выходки будущего мужа с терпением и смирением. Мальчики взрослеют позже, и он перерастет свои проказы.

– Или проказы станут более весомыми, – ответила грустно Виола. Лишь она одна сочувствовала мне.

Как назло, Куртан часто гостил в нашем дворце. У папы и короля Пилеи были какие-то совместные дела – они разрабатывали общую горную гряду с железосодержащей рудой. А может, младший принц так всех достал у себя дома, что его отправили к нам в ссылку?

Однажды мы с Виолой ему отомстили и заперли в чулане на всю ночь, предварительно связав и заткнув рот кляпом. Это случилось после очередной его выходки с болонкой госпожи Трантал. Нашла принца утром служанка. Мы прятались в коридоре за портьерами и видели, как его выводили. Куртан рыдал как девчонка, а его брюки были спереди мокрыми. Нам с Виолой, конечно, влетело, но на некоторое время жених от меня отстал – нашел другую забаву.

А вскоре Виолу посватали за нашего дальнего соседа – пятидесятилетнего короля Кальмии, вдовца, похоронившего до нее трех жен.

Для меня новость стала страшным ударом. Я обожала сестру. С малолетнего возраста она была рядом. Не мама утирала мне слезы, когда я падала с пони, учась ездить верхом. Не мама успокаивала, пела колыбельные, когда мне было страшно от завываний вьюги за окном. Крошкой я волочилась за сестрой хвостиком, схватив ее за подол платья. Виола смеялась, что я ее куколка и лучше любой игрушки. Но я-то знала, что она любила меня так же сильно, как я любила ее.

Наши слезы и мольбы не помогали – отец заперся в кабинете, отказываясь слушать, а мама твердила одно и то же: «Тебе повезло, Виола. Ты сразу станешь королевой. И не придется двадцать лет ждать, пока коронуют твоего мужа, как пришлось мне». И добавляла, что король в любом случае лучше сына советника.

Тем более что тот, узнав о разрыве помолвки, сразу же уехал из дворца в семейное поместье, вроде как к заболевшей матери. Но на самом деле просто струсил.

Виола решила бежать. Я помогала ей как могла. Отдала свои драгоценности, утащила из кухни платье служанки, устроила переполох, притворившись, что упала с лестницы и сломала ногу. Но это не помогло – ее нашли через неделю, когда сестренка попыталась продать ожерелье в глухом селе у границы. Притащили домой, заперли в комнате, приставив двух надсмотрщиц-фрейлин. Мне запретили с ней видеться.

А потом случилось странное. Слуги начали шептаться, что Виола собиралась то ли выброситься из окна, то ли утопиться в ванной, то ли порезать вены. Я не находила покоя. До безумия хотелось увидеться с сестрой. И однажды ночью пробралась на ее балкон по карнизу. Фрейлины спали, а Виола, увидев меня, вскочила с кровати и выбежала наружу. Хорошо, что на дворе стояла ранняя осень и снег еще не выпал.

– Ты с ума сошла, Лия, третий этаж! – Плакала она, обнимая меня тонкими руками. Я увидела, что за эти месяцы Виола подурнела и похудела. Неужели она действительно хотела лишить себя жизни?.. Нет, не может быть.

– Я должна была тебя увидеть, – шептала я торопливо. – Давай вместе сбежим? Ты же знаешь, я буду только счастлива избавиться от Куртана. У меня есть немного драгоценностей.

Я вытащила из-за пазухи жемчужное ожерелье и кольцо.

– Нет, – Виола тяжело вздохнула, – я не могу подвергать тебя такой опасности. Тебе всего десять. Да и куда мы пойдем? Через перевал по горным тропам? Нужен проводник, теплая одежда и много денег.

– Отправимся в Альтею, – вдруг пришла в голову умная мысль, – я читала, что там хорошо. Там есть волшебники. Проводнику заплатим драгоценностями.

– Глупышка, – сквозь слезы улыбнулась Виола, – Альтея очень далеко, мы не дойдем. В горах уже лежит снег, проход закрыт… Да и как мы найдем верного человека?

Девушка всхлипнула и обняла меня крепче. Я начала бурчать, что нам все по силам, было бы желание. Что притворимся отставшими от каравана дочерями ария. Я читала, в Альтее это самый высокий титул. В крайнем случае, пойдем одни. А Виола возражала, что нас быстро поймают. Что мы погибнем, сорвемся со скалы или замерзнем насмерть.

Вдруг мы услышали шум в комнате. Одна из фрейлин проснулась и начала кричать. Нас сразу же разъединили. Меня отругали, отвели в комнату, строго-настрого приказав служанке следить за мной даже ночью.

В следующий раз я увидела Виолу только на свадьбе. Король Зейнар Седьмой приехал за невестой. Привез кучу подарков, золота, драгоценностей. Я наблюдала из окон своей комнаты, как выгружали многочисленные тюки во дворе замка.

Наверное, в десять лет я была еще слишком наивной и доверчивой. Потому что еще надеялась на людское благородство и порядочность. В храме, перед обрядом, я подошла к королю Кальмии, стоящему на возвышении, и произнесла торжественно:

– Ваше величество! Я вас очень прошу, откажитесь от свадьбы с моей сестрой.

Я думала, что если все объясню мужчине, то он откажется жениться, ведь он ни разу не видел Виолы, только ее портрет. Значит, ему все равно, кто будет его женой. Он же взрослый, умный, опытный. Он – король!

Все вокруг впали в ступор. Ко мне бросилась мама, но я отскочила в сторону и торопливо зачастила, умоляюще протягивая руки:

– Виола не любит вас, и вы ее не любите. Найдите себе другую жену, по возрасту. Ей всего четырнадцать. Ваше величество, пожалуйста, откажитесь от свадьбы!

Лицо короля перекосило. Он и так был некрасивым, грузным, обрюзгшим, с двойным подбородком и толстыми щеками, а после моих слов и вовсе стал похож на раздувшуюся жабу.

– Извините ее, ваше величество, – мама больно схватила меня за руку и задвинула себе за спину, – Лия еще ребенок и очень впечатлительна. Она не хотела вас оскорбить.

– Ее нужно выпороть кнутом, – рявкнул король, скривившись, – я могу сам заняться этим, если у вас некому.

Мама тащила меня за собой, пытаясь исчезнуть с его глаз, затеряться среди гостей, а я с ужасом понимала, что сделала еще хуже. Виоле придется ответить за мои слова.

У меня в первый и последний раз в жизни случилась истерика. Я кричала, что ненавижу родителей, ненавижу своего жениха, что лучше спрыгну с башни, чем выйду замуж за Куртана. На три месяца меня посадили на хлеб и воду. Не разрешали выходить из комнаты, приставили служанок, скорее тюремщиц, и Фенистру, которая с большим удовольствием учила меня этикету, иногда не совсем приемлемыми в аристократическом обществе методами.

Виола, уезжая в Кальмию, забрала с собой не только мое сердце, но и нашу общую няню, последнего доброго человека в моем окружении.

После того, как я вышла из заточения, я стала послушной и тихой. Со всем соглашалась, никому не перечила, встречала язвительные уколы и кровавые развлечения своего жениха с ледяным спокойствием и невозмутимостью. И стала еще более яростно учить этикет. Оказывается, он очень полезен. Полезнее географии, математики, истории. Потому что этикет – это броня, неприступная и непробиваемая. Под ней можно спрятать все что угодно – боль, ненависть, тоску, печаль. И никто ничего не заметит.

– Ледышка! Замороженная рыба! Уродливая уродина! – обзывал меня Куртан, не зная, как вывести на эмоции и слезы. Даже после того, как он подставил подножку и я упала, больно ударившись локтем, ни одной слезинки не выкатилось из глаз. Я медленно встала, расправила платье и произнесла степенно:

– Ваше высочество. Вам нужно взять несколько уроков по литературе. Словосочетание «уродливая уродина» – это тавтология. Оно не применимо в обществе.

Все время я просиживала в библиотеке, чтобы чужими словами наполнить голову до отказа, чтобы не думать, не вспоминать глаза Виолы, когда она прощалась со мной.

И была безумно счастлива, что ко мне посватался король Альтеи. Даже больше, чем папа. Кто угодно лучше, чем глупый вредный мальчишка, оскорблявший меня, щипавший фрейлин

за мягкие места и отправлявший в полет с высоких этажей кошек и собак, чтобы посмотреть на кровавые кляксы внизу на каменных плитах, которые они оставляли.

Куртана они завораживали.

Глава 3

Альтея была огромной страной и занимала почти половину континента. Остальные страны, поменьше, ютились по краям, на востоке и западе. А наше королевство и вовсе на севере в неприступных горах, среди таких же отщепенцев.

Религия здесь была странной. Зачем столько богов? Мне казалось, большинство жителей страны даже не знало их имен и точного количества. То ли тридцать, то ли сорок. Поинтересовавшись у профессора, учившего меня альтеранскому языку, сколько богов на самом деле, он озвучил цифру – тридцать два. Их имена совпадают с алфавитом магического языка и, вот удивительно, с названиями всех родов ариев. Настоящих и исчезнувших из истории.

В нашем же королевстве была одна богиня – Великая Мать. Мы молимся ей, чтобы она послала нам чуть больше тепла и солнца. Летом богиня бодрствует, а зимой спит. Зима приходит в наказание за людские грехи. Они олицетворяют одеяло, которым укрывается Великая Мать. И чем дольше длится зима, чем она холоднее и ненасытнее, тем больше людских грехов давят на богиню тяжелым грузом, не давая ей проснуться.

Как-то по моей просьбе профессор рассказал мне притчу, которую изучают во всех государственных школах.

– Ты ее услышишь на лекциях более детально, – добавил он. Профессор когда-то сам преподавал в Королевской школе, но пять лет назад ушел по возрасту. А меня согласился обучать по просьбе его величества.

Давным-давно, тысячу лет назад, на территории тогда небольшого королевства приземлилась небесная колесница с богами. Богов было ровно тридцать два. Они долго жили среди людей, учили их, показывали, как плавить металл, обрабатывать камень, приручать животных. Потом, спустя несколько поколений, они улетели, оставив своих потомков – ариев. Тридцать две семьи, владеющие тридцатью двумя видами магии.

Королем выбрали самого сильного, могущественного и самого сурового мага, носившего имя Рем. Он подчинил себе всех ариев и стал править. Альтея расширялась все больше, захватывая новые территории, порабощая соседние королевства, пока не стала размерами такой, как сейчас. С каждым поколением в семьях ариев рождалось все меньше магов, магия исчезала, и никто не знал, как ее вернуть. И в конце концов на сегодняшний день осталось всего четыре магический рода – Зорги, Фархи, Турги и Креи.

Мне хотелось узнать больше, но в детском крыле дворца библиотека была скудной. В ней находились лишь сказки, буквари и приключенческая литература. Да и Фенистра постоянно лезла со своим советами, отбирая вечерами очередной интересный томик, мотивируя тем, что нужно беречь глаза. В конце концов я стала прятать книги под матрац и читать, когда она уберется в свою комнату.

Большую часть своего времени я находилась в детском крыле. Меня вытаскивали на светлы очи жениха и двора лишь по праздникам, это было не чаще одного раза в месяц. Наряжали в ненавидимый мной белоснежный наряд, который всегда подбирала Фенистра, заплетали по-ученически две косы и укладывали их корзинкой на затылке. Из украшений фрейлина разрешала мне носить лишь жемчуг, который тоже предназначался для детей. Вот и выглядела я как малолетнее убожество, максимум на десять лет.

Но я не роптала. Меня давно отучили роптать. Может быть, после свадьбы я посмею обратиться к Эдварду с просьбой выгнать ненавистную Фенистру. А потом попрошу отправить посланников в Кальмию к сестре. С подарками и письмом. Дома я ей писала каждую неделю, а в ответ дождалась лишь приписку в одну строчку к письму матери с сухим: «Лия, поздравляю с новой помолвкой. Будь счастлива. Твоя Виола».

Надеюсь, Эдвард мне не откажет. Король не производит впечатление бессмысленно жестокого человека. Скорее, он кажется равнодушным. На совместных обедах сухо интересуется погодой, словно ее не видно в окне. На балах стоит рядом и не замечает, даже если смотрит в упор. Молча танцует положенный первый танец, а потом весь вечер разговаривает о делах с советниками, словно не наговорился в другие дни.

Дарит странные подарки. Например, гарнитур из розового жемчуга или белоснежного пони. Неужели я выгляжу на пять лет? Именно в этом возрасте принцессы учатся ездить верхом на пони. Хотя и лошадь мне ни к чему, удобнее и привычнее гулять пешком. Тем более что королевский сад безумно красив. Он огромным полукругом огибает весь дворцовый комплекс. В нем даже можно заблудиться, что иногда со мной и происходило.

Я сбежала в очередной раз от Фенистры, та отошла в туалетную комнату. Радуясь, что хоть ненадолго лишилась пристального внимания надзирательницы, пробежала насквозь пару скверов и вышла на широкую аллею со странными растениями вдоль – низкими деревьями с круглой кроной и багрового цвета листьями. Они были похожи на торчащие в земле пылающие факелы. Таких диковинных я даже в учебниках не видела. Скорее всего, привезли из далеких южных стран. И вдруг заметила впереди толпу придворных. Точнее, короля со свитой – стайкой красавиц и парочкой молодых мужчин в мундирах королевской гвардии.

Удивительно, но король смеялся. Я впервые увидела его улыбку и немного опешила от изумления. На его лице она была исключительной редкостью, достойной быть запечатленной на холсте и вывешенной в тронном зале рядом с портретами предков.

А он не совсем ледяная глыба, как мне думалось.

Эдвард заметил меня мгновенно. Что-то сказал свите, те развернулись и скрылись за беседкой. Вот это мне в нем нравилось больше всего – он ограждал меня от своей личной жизни. Не оскорблял прилюдно, общаясь с фаворитками. Не танцевал с ними на балах, не приглашал к трону, а за столом, на торжественных обедах, если они и сидели, то далеко от нас. Даже Фенистра, всегда находившаяся рядом со мной, не могла обнаружить девушек и в очередной раз похвалить их красоту и роскошь нарядов.

В отличие от Эдварда, мой отец не пытался щадить чувства матери, хотя ей и было плевать на похождения мужа. Его фаворитки были ее фрейлинами. Они вместе завтракали, обедали, на балах танцевали с отцом и стояли рядом с троном, сверкая подаренными им драгоценностями.

К Эдварду же я испытывала двоякое чувство. Ревности точно не было. Я не люблю жениха, а он не любит меня. Увы, любовь не является обязательным атрибутом отношений между королем и королевой. С другой стороны – мое уважение он уже заслужил, даже притом что разговаривали мы от силы раз в месяц. Заслужил не словами – поступками.

– Добрый вечер, ваше высочество. – Жених подошел ближе и коротко учтиво поклонился. От него чуть-чуть пахло алкоголем. Значит, я не ошиблась – они развлекаются. Что ж, королю тоже нужно хоть когда-нибудь отдыхать.

– Ваше величество. – Я сделала реверанс. – Чудесная погода, не правда ли?

– Да, чудесная, – отозвался он.

Вечер и вправду был великолепным. Стояла середина лета, солнце клонилось к горизонту, жара спала, а воздух наполнился терпкими насыщенными ароматов парковых цветов. Я очень любила это время. С моря дул небольшой бриз, наполняя воздух влажной прохладой.

Я застенчиво теребила пояс легкого светлого платья. Мы впервые оказались с женихом наедине. Это смущало, в голову не приходило ничего путного, о чем бы можно было поговорить, а вспоминать шаблонные рекомендации из учебника по этикету не хотелось. Эдвард мне казался таким высоким, взрослым, серьезным. Против него я чувствовала себя маленькой глупой девочкой.

– Ты уже хорошо разговариваешь по-альтерански, – произнес Эдвард мягко, – акцент почти не ощущается.

– Спасибо, ваше величество.

И вдруг он совершил нечто по-настоящему странное, чего я от него никак не ожидала. Он вдруг по-мальчишески улыбнулся и легонько щелкнул меня по носу.

– Почему ты все время такая серьезная, Лия? Ты хоть иногда улыбаешься?

Я потупила взгляд и прошептала испуганно:

– Иногда…

Сердце суматошно заколотилось.

– Говори мне, если тебе что-то нужно, не бойся. Или, если стесняешься, моему секретарю. Если хочешь, можешь взять мобиль с водителем – съездить к морю или на обзорную экскурсию в Королевскую школу. Там сейчас каникулы, учеников нет, вся школа будет в полном твоем распоряжении.

– Правда? – У меня в груди защемило от радости. Я подняла глаза и робко улыбнулась.

– Ваше величество. – Из-за кустов вдруг вывалилась грузная фигура Фенистры. – Прошу меня простить, но ее высочеству пора отдыхать.

Эдвард перевел взгляд на мою фрейлину и чуть скривился.

– Хорошо, если нужно, то я не держу. – Он поклонился и вдруг спросил: – Так что насчет моря?

– Я бы очень…

– Лие вредны морские прогулки, – встряла Фенистра, – у нее слабое здоровье.

Эдвард пожал плечами. Еще раз на меня посмотрел, кивнул каким-то своим мыслям и отправился назад к друзьям.

– Сколько раз тебе говорить не гулять одной по парку, – отчитывала Фенистра, таща за собой в детское крыло дворца, – ты специально подстерегала короля? Навязывалась ему? Тебе должно быть стыдно, Лия. Девушка должна быть скромной и незаметной. Не вешаться на мужчин, а потерять девственность только в первую брачную ночь. Если Эдвард тебя обесчестит и передумает жениться, то кто потом тебя возьмет? Будешь старой девой.

– Как вы? – не удержалась я. Радужное настроение от разговора с женихом испарилось, словно его и не было.

Фенистра сильно сжала мой локоть цепкими толстыми пальцами. От острой боли руку прострелило до плеча. Я даже не поморщилась. Привыкла к ее выходкам. А багровые синяки скроют длинные рукава платья.

– Берегись, Лия, – прошипела она, склонившись к моему уху, – в моей власти так тебя оскандалить, что тебя отправят домой незамедлительно.

– Да, леди де Морей, – тихо пролепетала я смиренным тоном, – извините.

Больше всего на свете я боялась того, что Эдвард найдет себе другую невесту и отошлет меня домой. Я была готова на что угодно, только бы остаться в Альтее. Вести себя скромно, послушно, быть тише воды ниже травы. Даже унижаться перед Фенистрой.

Потом, спустя годы, я поняла, как по-дурацки это выглядело. Как глупо я смотрелась, пытаясь строить из себя ту, которой не являлась. Пытаясь угождать гадкой озлобленной женщине и понравиться тому, кому не было тогда до меня никакого дела. Глупо и жалко.

– Перед сном вспомни-ка номера с пятнадцатого по тридцатый правил этикета для благородной девушки.

Если я думала, что Фенистра, проводив меня в спальню, упокоится, то ошибалась.

Я встала в центр комнаты и начала декламировать:

– Благородная девушка не должна первой здороваться, начинать разговор…

– Не должна смотреть в глаза, задавать вопросы…

– Ни жестом, ни взглядом, ни телом не выдать своего интереса к собеседнику или теме разговора…

И так далее. Фенистра специально выбрала эти пункты, так как именно они относились к общению между мужчиной и женщиной. Точнее, беседе между ними.

Как же я ее ненавидела! Ненавидела ее ежевечерние лекции: как мне повезло, что такую некрасивую принцессу из далекой бедной страны сделал невестой великий король Рем. Я должна быть рада. Если бы Эдвард не был самой наивыгоднейшей партией, то Фенистра уговорила бы отца отказать Рему и выдать меня за Куртана. И что я обязана родить не менее четверых наследников, как моя мама.

– Кстати, Селесту она родила в пятнадцать, поэтому нечего бояться, – добавляла она скептически и фыркала: – У женщин в вашем роду отменное здоровье.

С этим трудно поспорить. Не помню, чтобы в детстве я болела, хоть в королевском замке Островерха зимой было холодно и сыро, а по коридорам гуляли зверские сквозняки.

Другой ее любимой темой было «королеве необязательно учиться, и школа ей ни к чему». Хорошо хоть, жених твердо намерился меня туда отправить и не обращал внимания на советы Фенистры, сказанные словно вскользь и мимоходом. Более настойчиво говорить она боялась. Король умел одним взглядом пришибить к полу, не только мою фрейлину, но и любого из важных советников, вьющихся вокруг него на балах и требующих очередного согласования какого-то указа.

Я давно приспособилась пропускать слова фрейлины мимо ушей, невозмутимо кивая и соглашаясь со всем, что она говорит. Так было проще. И будущий муж мне достался такой же – ну просто моя копия! На торжественных приемах он вел себя похлеще меня – непроницаемое выражение, застывший взгляд, холод в каждом слове.

Лишь однажды я услышала, как он вспылил. Я не пряталась. Нет-нет! Просто мне комфортнее быть незаметной. Да и в самом деле. Стоит мне спуститься с королевского тронного постамента, как я словно сливалась со стенами, растворялась в воздухе, переставая существовать. Для всех присутствующих. Было немного обидно, но чаще я радовалась, потому что можно было подслушать и разузнать что-нибудь интересное. Например, что Эдвард подарил безумно дорогие изумруды своей теперешней главной фаворитке герре Азалии или что он подписал соглашение с Верганой об экстрадиции семейства Нурв, покинувших Альтею несколько лет назад.

Я прохаживалась за колоннами бального зала и уже собиралась возвращаться, как услышала голос жениха. Замерла, превратившись в слух. Король разговаривал с советником. По-моему, арием Вертом. Выходцем из древнего рода, всегда стоявшего за спиной действующей власти. Я помнила его – жесткий старик с неприятным лицом и грубым голосом.

– Ваше величество, народ волнуется, у вас до сих пор нет наследника. Ваша обязанность как короля…

– Моя обязанность, – прервал его Эдвард резко, – состоит в том, чтобы народ жил в достатке, спокойно и сыто. Без войн и потрясений.

Советник тяжело и шумно вздохнул.

– Если вдруг с вами что-нибудь случится, – не успокаивался он, – в стране начнется хаос. Ваш брат не оставил детей, а теперь вы тянете с…

– Вы предлагаете мне зачать ребенка пятнадцатилетней девочке? – В ледяном голосе Эдварда мелькнули гневные нотки. Даже я поежилась.

– Мы можем посмотреть другие варианты, – советник залебезил, – я подготовил несколько… Например, у принцессы Эмилии из Ремеры сорвалась свадьба, ее жених погиб на охоте. А принцессе уже восемнадцать.

– Хватит! – рявкнул Эдвард. Я вздрогнула. – Я выбрал себе невесту и не собираюсь менять ее в угоду двору или Совету.

В глубине души я почувствовала искреннее уважение к жениху. Для меня было смерти подобно вернуться в Островерх к родителям. Мне нравилась Альтея. Родилась я в конце лета и всегда любила тепло, поэтому здешний климат мне подходил идеально. Нравилось бескрайнее море, которое видела из окна спальни, возможность учиться, читать газеты, гулять по королевскому саду.

Но уважение быстро исчезло, стоило только услышать:

– Подслушиваем?

Передо мной возвышалась худая прямая как палка фигура жениха. Советника рядом не было. Я выпрямилась и нацепила на лицо вежливую улыбку.

– Ваше величество, мне стоит вас поблагодарить…

– Не трудись, – Эдвард криво усмехнулся, – дело не в тебе.

– А в ком? – Я непонимающе нахмурилась.

Король ничего не ответил. Еще раз обвел меня насмешливым взглядом, развернулся и направился к трону. И только через пару минут до меня дошло. Ему выгодно, чтобы свадьба произошла как можно позже. Его сердце до сих пор занято. Оно кровоточит и болит. И Эдвард не хочет излечиваться, не хочет впускать в него кого-либо. Не хочет отдавать никому, даже маленькой невесте, ни крошки, ни кусочка своего сердца.

А я…

Краем глаза заметила в отражении стеклянной витрины худенькую угловатую девчонку с бледным, блеклым на фоне белой стены лицом, тонкими ручками, длинной шеей, одетой в белоснежное детское платье с рюшами.

Вряд ли смогу соревноваться за сердце короля. Да и незачем.

Глава 4

До отъезда в школу оставалась буквально пара недель. Я старалась выглядеть спокойной и невозмутимой, но внутри изрядно нервничала. Смогу ли я освоить программу? Ведь кроме зазубренного до дыр этикета я больше ничего толком не знала. Не буду ли я белой вороной? В буквальном смысле. Найду ли друзей? Ведь раньше у меня их не было, лишь Виола в детстве. А подруги в Островерхе были выбраны для меня мамой и Фенистрой. Общаться с ними было неинтересно.

В последнюю встречу с профессором я выспросила все, что могла. И расположение аудиторий, библиотек, жилых комнат, и как зовут директора, и что нужно с собой взять. Он уверял, что мне все покажут и всему научат, что со мной будет охрана и мне не о чем беспокоиться, но я жутко переживала.

Месяц назад мне исполнилось пятнадцать. Эдвард подарил изысканный сапфировый гарнитур – колье, браслет и серьги. И пусть я подозревала, что король не принимал никакого участия в выборе подарка: наверняка постарался его секретарь, – я была рада. Это было первое взрослое украшение, роскошное, дорогое, которое не стыдно было надеть девушке. Вот бы еще платье к нему сшить… цветное.

Фенистра постоянно была не в настроении. Каждый раз при встрече она давала понять, что не одобряет решения его величества отправить меня в школу. Намекала, что я сама должна отказаться туда ехать. По сто раз на дню напоминала об этикете, предупреждала об опасности потерять голову – ведь в школе вольные нравы, там учатся юноши, которые только и мечтают меня соблазнить! А я так глупа и беспечна!

Потом, спустя время, я сообразила. Она боялась. Боялась остаться не у дел. Бесполезной и ненужной. Боялась лишиться надо мной власти – ведь я исчезну из-под ее надзора на целых пять лет.

Я очень хотела избавиться от ее удушающей опеки, но… не вышло. Произошло событие, в очередной раз отодвинувшее мою учебу еще на год. Событие, разделившее мою жизнь на до и после.

Как-то, сидя в кабинете и перебирая канцелярию, я услышала в коридоре шум.

– Убирайся! Зачем приехала?! Прочь из дворца! Как ты посмела явиться сюда?..

Голос Фенистры звучал громко, истерично и визгливо. А вот второй… Журчал гораздо тише и напоминал кого-то близкого… Я резво выскочила из своих покоев.

– Санна! – бросилась обнимать няню. – Как же я рада тебя видеть!

Я схватила ее за руки и повела в кабинет, не переставая улыбаться. Усадила на мягкий диван, опустилась на корточки напротив и только потом увидела, как сильно она постарела. Она и пять лет назад была уже далеко не первой молодости, а сейчас выглядела как настоящая старуха – морщинистая, худая, сгорбленная.

– Ты приехала в гости? Привезла письмо от Виолы? Как она? Я хотела заехать по пути в Альтею, но мы спешили успеть пересечь перевал до холодов…

Я тараторила не переставая. Краем глаза заметила Фенистру, замершую в отдалении.

– Скорее давай письмо, я безумно соскучилась по сестре…

Умоляюще протянула ладони. Почему-то глаза няни наполнились слезами. Она сунула руку за пазуху и вытащила конверт. Фенистра дернулась в мою сторону, но я уже крепко схватила его, вскрыла и развернула листок, жадно вчитываясь в написанные каллиграфическим почерком строчки.

«Здравствуй, Лия, моя любимая, дорогая сестренка.

Больше всего на свете я не хочу тебя огорчать, но придется. Прости меня за это.

Я вскоре умру. Не потому, что ребенок высосал из меня все силы, не потому, что меня бьет и унижает муж. Я умру, потому что так хочу, потому что не вижу никакого смысла в дальнейшей жизни. Нет ни радости, ни счастья, ни тепла, ни покоя, ничего, за что можно было бы держаться…»

Я непонимающе подняла глаза на няню, перевела взгляд на Фенистру. Почему Виола так пишет, что за шутки? Когда она написала это письмо?

«Я очень надеюсь на то, что ты поладишь с Эдвардом Ремом. И пусть я его не знаю, но знаю, что его боится и ненавидит мой муж, а это значит, что король Альтеи хороший человек.

Постарайся стать счастливой. За меня. Ты всегда была сильнее, смелее, находчивее меня. Говорила, что думаешь, бесстрашно бросалась в бой. Ты всегда была моей звездочкой, моей радостью, моей любимой маленькой сестренкой.

Проживи эту жизнь за меня. Виола».

Я медленно отложила листок в сторону. Внутри все заледенело. Меня словно бросили голую в ледник для мяса – кожа горела, тело пронзали тысячи острых игл, впиваясь глубже и глубже, стремясь добраться до сердца. И я точно знала – когда это случится, я перестану дышать.

– Виола… – Горло судорожно дернулось в попытке вытолкнуть слово… – Умерла?

Я переводила полубезумный взгляд с Фенистры на няню и обратно, страшась ответа. Няня закрыла ладонями лицо, а леди де Морей равнодушно пожала плечами.

– Да, – ответила сухо.

– Когда?

– Полгода назад. Твои родители приказали ничего тебе не говорить, чтобы не расстраивать перед замужеством.

Что? Не расстраивать? Я нахмурилась. Они позаботились о моем настроении? Беспокоились, чтобы мои грустные глазки не испортили торжество? Не потревожили жениха?!

– Не расстраивать… – повторила тихо, словно про себя, так и этак смакуя фразу. – Я бы готовилась к свадьбе, примеряла наряды… Танцевала, веселилась… В то время как моя любимая сестра лежит в гробу?

Я странно себя чувствовала. Словно я не я, словно смотрю на себя со стороны и не понимаю, что вижу. Словно рассыпаюсь на куски, разваливаюсь и больше никогда не соберусь вместе. Словно… умираю.

Я встала с колен, выпрямилась и постаралась обуздать голос.

– Леди де Морей, я не хочу вас видеть, – произнесла спокойно, но только я знала, чего мне стоило это спокойствие, – убирайтесь в Островерх, в свое логово, из которого вы выползли. Там вам самое место, рядом с моими родителями.

– Вы не вправе меня выгонять, ваше высочество, – Фенистра даже бровью не повела, – ваша мать строго настрого приказала присматривать за нерадивой дочерью, чтобы она не сотворила чего недостойного. Или вы хотите оттолкнуть своими истериками Эдварда Рема? Он возьмет другую невесту, а вы вернетесь домой, и поверьте, вас ждет непростая судьба. Уж я постараюсь.

Истериками? Оттолкну? До меня доходили отдельные слова, но я уже не понимала их смысл – игла добралась до сердца. У меня больше не было сил ни на слова, ни на крик, ни на дыхание. Ноги подогнулись, я упала на пол и наступила тьма.

Не знаю, сколько прошло времени. Казалось, мой сон длился бесконечно, но на самом деле, как мне потом сообщили, я провела без сознания менее двух недель.

Ненадолго я приходила в себя. За окном день сменялся ночью, солнце луной, а у моей кровати менялись посетители. Чаще всего я слышала голос няни и какого-то пожилого муж-

чины, его называли арий Берг. Наверное, это был врач. Он уговаривал что-то выпить, трогал меня, переворачивал, касался головы, глаз.

Иногда в сон врывался ненавистный голос Фенистры, тогда в моей груди разгорался пожар.

– Ей лучше? – О! Голос жениха. Он являлся реже всех.

Я чувствовала себя как во сне. Не ощущала ни боли, ни жажды, ни жары, ни холода. Лежала словно похороненная под тяжеленым свинцовым одеялом. Руки, ноги, голова, язык были не мои. Я не могла двинуть даже пальцем, не то что открыть рот и произнести слово. Но звуки слышала, не все, правда. И не всегда.

– Ваше величество, – голос ария Берга, – вам пора обратить внимание на новый список невест, предоставленный Советом.

– Рано, – ответил Эдвард, – пусть сначала Лия решит, чего больше хочет – туда или обратно, а потом и я решу его посмотреть.

Ну, хоть жених себе не изменяет – его по-прежнему воротит от женитьбы. А вот я до сих пор колеблюсь – хочу жить дальше или умереть, как Виола.

Я часто разговаривала с ней. Спрашивала, почему она выбрала такой путь. Почему не боролась до конца? Почему не писала, не жаловалась? Почему сдалась?

Не знаю как, но я бы вытащила ее оттуда. Стала бы королевой Альтеи, предложила бы что-нибудь значительное ее мужу, обманула, уговорила, запугала. Золотом, мощью, войной, чем угодно. Если было бы нужно, умоляла бы Эдварда. На коленях, слезами, шантажом.

Почему ты чуть-чуть не подождала, сестренка?

– У вашей невесты воспаление мозга, – опять врач, – даже если она поправится, то ей потребуется долгое восстановление. Возможна потеря памяти, мышечного тонуса, координации движений…

– Как это случилось?

Голос Эдварда звучал как всегда – холодно и отрешенно, словно они с арием Бергом разговаривали о погоде. Действительно, о чем ему волноваться – сегодня одна невеста, завтра другая. У него их целый список.

– Сильный стресс наложился на длительнее раннее напряжение. Я расспросил окружение – няня сказала, что ее высочество недавно потеряла сестру. Девушка истощена и морально и физически. Ее словно истязали на протяжении нескольких лет. Не знаю, что там происходило в Островерхе, но жаль, что я ее не осмотрел раньше, сразу по приезду. Назначил бы укрепляющие отвары, витамины…

– Она же поправится? – прервал врача Эдвард.

– Пока ничего не могу сказать…

Долгое молчание… И удаляющиеся шаги.

– Странно, – голос Эдварда звучал насмешливо, – мне казалось, она сильнее.

Тихо закралась дверь. В комнате воцарилась тишина. Последняя сказанная женихом фраза взбесила. Я хотела опять раствориться в своем спокойном ничто, но она, словно муха, зудела и зудела над головой, не давая покоя. Сильнее? Я? Как он это заметил, если почти не смотрел на меня? Не разговаривал, не интересовался мной, моей жизнью?

Через минуту в рот вставили трубку и опять начали заливать какую-то гадость. Горькую, терпкую и сладкую одновременно. Я сделала инстинктивный глоток и вдруг открыла глаза.

– Ваше высочество! Вы очнулись! – Надо мной склонился красивый пожилой мужчина, в руках он держал плошку с лекарством.

Я смогла только опустить веки. На ответ или даже кривенькую улыбку сил не было.

И начался длинный период восстановления. Слава богу, я не потеряла память, да и с координацией движений все было в порядке. Но мне все равно пришлось заново учиться

чистить зубы, мыться, одеваться. Я была беспомощнее котенка – слабость не давала даже самостоятельно держать ложку в руках.

Но я выбрала жизнь, в отличие от своей сестры.

Арий Берг запретил мне любые нагрузки. Без меня начались занятия в школе, лето сменила осень. На тумбочке, рядом с кроватью, давно лежало нераспечатанное письмо из Островерха. Как объяснила Санна, оно пришло через неделю после того, как я заболела. Наверное, в нем мама объясняет свой поступок, просит прощения, но я не собиралась его читать. Я была слишком зла.

Санна все время была рядом. Кормила с ложечки, провожала под руку в туалет, читала газеты, рассказывала смешные сплетни. Только о Виоле ничего не говорила, боясь повторения приступа. Няне выделили покои во дворце, разрешили остаться и ухаживать за мной.

Народ требовал показать невесту короля. В газетах печатали красочные небылицы. То я привезла с собой из дома любовника и с ним сбежала на острова в южные страны, то заболела смертельной болезнью, то Эдвард меня прибил в порыве ревности, а сейчас собирает откуп королю Островерха.

Меня изумила фантазия журналистов.

Естественно, после того, как я кое-как встала на ноги, первой, кого я увидела, была грузная фигура Фенистры. Значит, не уехала. Значит, мои слова для нее пустой звук. Ее победный взгляд поднял внутри меня такую бурю негодования, что первым делом я доковыляла до кабинета, нашла в ящике стола блокнот с номером секретаря Эдварда и отправила тому записку по пневмопочте с просьбой о срочной встрече с королем.

Раньше я не пользовалась почтой, хотя мне и показали, как она работает. Показали рычаги у стены, каждый из которых соответствует определенной цифре. Показали, как набирать номер, вкладывать в трубу письмо и нажимать пуск, чтобы оно улетело по адресу.

Я обессиленно опустилась в кресло и принялась ждать жениха. Не думаю, что он откажет своей чуть не отдавшей концы невесте в малюсенькой просьбе.

Король вошел, как всегда, стремительно. За его спиной я увидела секретаря, герра Неорна, и вездесущую Фенистру с исказившимся от беспокойства лицом. Чует, гадина. Эдвард перед их носом закрыл дверь, прислонился спиной к створке и молча на меня уставился, ожидая, когда я начну.

– Ваше величество. – Я встала и поклонилась. От слабости меня повело в сторону, я уцепилась пальцами в столешницу, чтобы не упасть. Брови Эдварда нахмурились, словно ему было неприятно на меня смотреть. Представляю, что за уродину он видит. Я и раньше не была красавицей, а сейчас и вовсе превратилась в скелет на ножках.

– Ваше высочество, – скривился он, – необязательно вставать. Я вполне могу тебя выслушать и с такого ракурса.

Я облегченно выдохнула и уселась обратно. Ноги и руки дрожали, голова кружилась, невыносимо тошнило, и если бы не вежливость Эдварда, я бы опозорилась уже через минуту.

– Простите, что отвлекаю вас от государственных дел, но моя просьба очень важна для меня. – Я старалась, чтобы по крайней мере не дрожал мой голос, говорила спокойно, хоть и недостаточно громко. – Прошу вас организовать отправку моей фрейлины леди де Морей домой, в Островерх.

Эдвард чуть приподнял бровь.

– Хорошо, – ответил он через мгновенье, – герра де Морей завтра же покинет Шалир.

О Богиня! Он даже не потребовал озвучить причины! Если бы я знала, что все так просто и ему достаточно одной моей просьбы, я бы отослала ее еще год назад.

Король повернулся к двери, открыл ее и произнес прохладным безразличным тоном:

– Герр Неорн, подготовьте на завтра королевский вагон. Его прицепят к почтовому составу, идущему на север.

– Кто едет и какой конечный пункт? – деловито поинтересовался секретарь, открывая блокнот.

– Едет герра де Морей, поезд из Шалира в Кудрас. – Да, помню, этот город стоял на границе с Кальмией, и в нем мы пересаживались с лошадей на стальную птицу.

После слов короля я услышала из коридора почти что змеиное шипение.

– Ваше величество! Но я не собираюсь покидать Шалир! – Фенистра оттеснила секретаря и влетела в кабинет. Ее лицо было перекошено от злости. Он бросила на меня быстрый взгляд, глаза блеснули ненавистью, и опять обернулась к королю. – Родители Лии отправили меня с принцессой и строго-настрого приказали присматривать за ней! Она совсем еще ребенок!

Король скептически улыбнулся.

– То есть для замужества и рождения наследников она вполне взрослая, а для самостоятельной жизни нет? – Вопрос, видимо, был из разряда риторических, потому что ответа не предусматривал. – Как бы там ни было, по договору о помолвке король Горегор Четвертый передал мне все права на невесту. И уж поверьте, я смогу за ней присмотреть. Или вы сомневаетесь в моих возможностях или в безопасности моего дворца?

В голосе Эдварда не промелькнуло ни толики угрозы, но Фенистра вдруг сжалась под его взглядом.

– Я имела в виду, что Лия очень слаба здоровьем, – залепетала она подобострастно, – и сейчас ей нужен особый уход… Девочка тяжело заболела в вашем дворце… – Она особо выделила слово «вашем».

Вот гадина! Я наблюдала за спектаклем, устроенным фрейлиной, все силы бросив на то, чтобы держать спину ровно, и мысленно восхищалась королем. Он выглядел как нерушимая гранитная глыба, и пусть раньше мне это не нравилось, сейчас я радовалась, что он такой. Дома никто не смел перечить Фенистре, ни мама, ни отец, ни двор, она была истинной королевой Островерха. Предполагаю, что через меня она хотела верховодить и в Альтее. Но Эдвард не мой папа…

– К ее услугам самые лучшие врачи в королевстве, да что в королевстве – во всем мире. – Холод в голосе короля обжигал. – И кстати, Лия заболела, находясь под вашим присмотром. Видимо, он оказался не таким уж и хорошим.

Давление еще больше усилилось. Даже я ощущала, что воздух в комнате сгустился. Фенистра вжала голову в плечи.

– Как бы там ни было, дискуссия закончена, – отрезал король. – Это приказ. Вы или сами сядете в поезд, или вас посадят туда силой.

После этих слов фрейлина поняла, что уговаривать короля бессмысленно. Она еще раз бросила на меня уничтожающий взгляд и, гордо выпрямившись, вышла из комнаты. От облегчения на глаза навернулись слезы. Я подняла подбородок выше, чтобы они не пролились на щеки, и сдержанно произнесла:

– Спасибо, ваше величество.

Кто бы знал, что творилось у меня внутри и как я благодарна королю. Эдард усмехнулся и кивнул:

– Пустяки, – и вышел за дверь.

Да, для короля моя просьба выеденного яйца не стоила. Так, несущественная мелочь. Но для меня она была бесценным даром. Дома на мои потребности было плевать всем, кроме Виолы. Никто не интересовался, чего я хочу, что люблю, что подарить на день рождения или приготовить на обед. Мне казалось, что и Эдварду плевать, он не видит и не слышит меня, но оказывается, он все обо мне знает.

Глава 5

Несколько месяцев у меня ушло на то, чтобы вернуться к прежней жизни. Только я начинала напрягать глаза, читая газеты или книгу, как голова взрывалась болью и начинало тошнить. Я боялась, что школы мне не видать как своих ушей, но арий Берг заверил, что все наладится. Так и получилось. Медленно, день за днем, неделя за неделей, мне становилось лучше.

А доктор почти поселился во дворце. Приходил ежедневно, давал горькие настойки, массировал голову, шею, чем-то колол ноги и руки, заставлял дышать через трубку. Сначала я жутко стеснялась, но потом перестала – вместе с Фенистрой меня покинули ложный стыд и чрезмерная зажатость.

Эдварда я почти не видела.

У Альтеи наметились какие-то политические проблемы, и он целыми днями просиживал в зале заседаний. Недавняя война с Фракрией закончилась разгромным поражением последней. Альтеранские войска еще год назад захватили столицу. Прошло много времени, но министры никак не могли решить – присоединять Фракрию к Альтее, наложить огромную контрибуцию и оставить действующую власть или раздробить на мелкие государства и назначить наместников. Да еще и союзники что-то мутили. Наверное, хотели урвать кусочек оккупированных территорий.

Иногда король заходил на пару минут, то ли поздороваться, то ли убедиться, что я иду на поправку, то ли следуя расписанию, составленному его верным секретарем. При взгляде на меня в глазах Эдварда мелькала жалость, для меня она была хуже ледяного равнодушия прежде.

После того, как я стала уверенно держаться на ногах, меня привели на обязательный ежемесячный бал. Подозреваю, лишь для того, чтобы показать народу и журналистам – смотрите, невеста еще жива. Я некоторое время сидела в кресле рядом с троном, с улыбкой кивая знакомым. Лишь спустя полчаса догадалась, почему никто ко мне не подходит, не зовет танцевать. Эдвард приставил охрану, которая на подходе отлавливала желающих приблизиться к принцессе.

На балу случилось интересное событие. Оказывается, пока я болела, в Альтее изобрели фотографирование. Магнитным напылением на тонкой серебряной пластине. Ученый арий Непс открыл способ сохранить навечно мгновенье чьей-то жизни. В этот раз оно было моим. Меня попросили встать рядом с троном, улыбнуться и замереть на несколько секунд. Арий пообещал, что мое изображение разместят во всех газетах с радостной новостью о желанном выздоровлении принцессы.

Новый год я встретила уже полностью здоровой. Его в Альтее отмечали в первый день весны. Столицу украсили цветами, фонариками, бумажными гирляндами, а на клумбах в дворцовом саду распустились нарциссы. Почему я не замечала в прошлом году, какой красивый Шалир весной? Потому что рядом все время была Фенистра с утомительными нравоучениями? Или после пережитого горя особо остро начинаешь видеть и ценить красоту?

Зима в этом году была теплой, за все время снег не выпал ни разу. Слуги подтвердили, что такое случается, а я никак не могла поверить, что на земле есть такое место, где не бывает снега.

А еще… Альтея готовилась к празднику. Его величеству Эдварду Рему исполняется двадцать пять. Жених еще в первый год предупредил, чтобы я не думала о подарках. Ему они не нужны. Но юбилей не обычный день рождения, съедутся арии, дипломаты, даже некоторые правители. Слуги в детском крыле несколько недель только и говорили о грядущих гуляниях. Мне будет стыдно поздравлять жениха пустыми руками.

Денег у меня не было, значит, придется выкручиваться другим способом. Меня, как и любую аристократку, обучали музицированию, рисованию, вышивке. Совсем поверхностно – учитель во дворце Островерха на все предметы был один. Талантом я не блистала, умела набросать портрет или сыграть что-нибудь легкое, но не более. Брала усидчивостью.

Вот и Эдварду решила нарисовать морской пейзаж, благо виды из моих комнат открывались изумительные. Садись у любого и начинай. Времени у меня было в избытке, поэтому картина получилась очень даже искусной, с мелкими деталями, такими как белые гребешки на воде, пушистые облака, корабли у причалов.

Церемония дарения подарков была одной из важнейших на празднике. И я была собой горда, что втайне подготовилась.

После того, как все гости одарили короля, я преподнесла свою картину. Жених был удивлен и даже, как мне показалось, обрадован. Хотя обычно по его лицу трудно что-то прочитать.

Мы, как всегда, открыли бал первым танцем. И, само собой разумеется, Эдвард после него подозвал к себе главного советника и принялся обсуждать какие-то правки в вышедший три века назад устаревший закон. Я развлекала себя тем, что наблюдала за танцующими парами и украдкой прислушивалась к беседе, пытаясь вникнуть в суть. Что-то о магии ариев.

А на третий танец меня пригласил какой-то темноволосый мужчина со смуглым хищным лицом. Представился он герром Штольдером, дипломатом из Ремеры. Об этой стране я знала лишь то, что она полностью островная, находится на границе Южного моря и Великого океана. А еще помнится, у принцессы Ремеры сорвалась свадьба, и Эмилию, так вроде ее звали, когда-то прочили в невесты Эдварду вместо меня.

Я никогда не отказывалась, когда меня приглашали. Хотела в глазах альтеранской аристократии выглядеть взрослой, искушенной, заработать репутацию и уважение. То есть опять ставила чужие интересы выше своих собственных. Потому что именно сейчас, с эти мрачным типом, танцевать мне совсем не хотелось.

После пары минут кружения по залу дипломат поинтересовался:

– Вы разговариваете на ремерском?

– Нет, герр Штольдер, – ответила я.

– А мне говорили, что вся высшая аристократия Альтеи знает языки дружественных стран.

Я мгновенно уловила оскорбительный подтекст в его словах. Он что, пригласил меня на танец, чтобы уязвить? Искусство дипломатии, которое я только-только начала изучать по книгам, говорило: никогда не поддаваться на провокации и не вступать в спор.

На губах мужчины играла приветливая улыбка, но в глазах застыл холод. Не буду оправдываться. Говорить, что еще не поступила в школу, что приехала всего полтора года назад, что за это время вряд ли смогла бы в дополнение к альтеранскому выучить еще четыре-пять языков…

Он и так все знает.

– Обязательно выучу ваш язык, – с улыбкой заверила я его, – вот с сегодняшнего дня и начну.

Ожидала, что мужчина присоединится к моей улыбке и мы закончим разговор на дружественной ноте. Ошиблась.

– Что вы, – заверил он почти искренним тоном, – не нужно торопиться. Скорее всего, вам он и не понадобится. Да и сложный он для юной девушки…

Я не успела ответить. И слава Матери. В процессе танца мы разошлись и сделали круг с другими партнерами. А когда сошлись, я уже обуздала злость и вспомнила правила этикета. Герр Штольдер опять начал издалека.

– Ваш акцент такой очаровательный. – Его глаза смотрели на меня снисходительно. – Хотя иногда я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

Даже так? Странно, а учитель альтеранского хвалил мой музыкальный слух и отсутствие акцента. Я опять постаралась не заметить завуалированное оскорбление. Добродушно улыбнулась и ответила:

– Вы же знаете, что альтеранский не мой родной язык? Я приехала из Островерха чуть больше года назад.

– Что-то не припомню такой страны на карте мира…

Этого я уже стерпеть не могла.

– Значит, мне повезло, что образование в Альтее лучше, чем в вашей стране. И его величество Эдвард Рем все же разглядел ее на карте, – отчеканила я.

Прозвучало грубо, но кто бы знал, как мне надоело выглядеть дурочкой, сглаживать углы и не замечать его подколки.

Глаза Штольдера вспыхнули яростью. Лишь на мгновенье, но я заметила. Тонкие губы растянулись в пародии на улыбку, я тоже улыбнулась – надеюсь, более правдоподобно.

На следующем повороте я отклонила голову и вдруг наткнулась на внимательный взгляд короля. Он смотрел на нас через весь зал, а потом повернулся к секретарю и что-то сказал. Через минуту оркестр после сложного пассажа закончил мелодию. Пары остановились и с удивлением начали пересматриваться, до конца танца было еще далеко. Распорядитель бала стукнул о паркет тростью и громко произнес:

– Прошу на балкон. Для гостей в небе над Шалиром сейчас зажжется праздничный фейерверк.

По протоколу фейерверк должен был начаться только через час… Но так как протокол знало очень ограниченное число людей, то король мог с легкостью его нарушить. Странно, Эдвард заметил на моем лице просьбу о помощи? Спасал от ушлого дипломата? Или боялся, чтобы я чего-нибудь не ляпнула по незнанию?

– Ваше высочество, – герр Штольдер протянул руку в мою сторону, – позвольте проводить вас на балкон.

Ремериец вспомнил о галантности? Или хочет продолжить оскорблять меня и дальше?

– Спасибо за танец, герр, но меня ждет жених. Я обещала посмотреть фейерверк вместе с ним.

Мужчина бросил взгляд в сторону трона, сдержанно поклонился и отошел. Я облегченно выдохнула сквозь зубы. Рано мне еще принимать участие в подобных играх. Слишком я молода и неопытна для таких бесед. Сердце кольнула обида. Что за несправедливость! Взрослый умный мужчина выбрал в соперники юную девушку. Что я ему сделала? Он не знает меня совершенно, не знает мой характер, образ мыслей, достоинства и недостатки. Неужели обида за то, что Эдвард не рассмотрел кандидатуру Эмилии на роль невесты, так сильно задела Ремеру?

Король, слава Матери, не стал выспрашивать о разговоре, читать нравоучения, давать советы. Просто весь остаток бала не отходил от меня далеко.

А через месяц к нам прибыл новый дипломат Ремеры взамен герра Штольдера. И я так и не узнала, это было сделано по приказу Эдварда, или замена была плановой. Зато узнала все, что могла, о Ремере. Страна занимала около десятка небольших островов, и у нее был огромный, сопоставимый с альтеранским, флот. В газетах намекали, что пираты, промышляющие в Южном море, возможно, выходцы из Ремеры и король с двором в доле от грабежей.

Если это так, то им выгодно породниться с Ремами. Ведь альтеранские корабли – главные враги пиратов.

На шестнадцатилетие жених подарил очередной роскошный подарок – новейшую механическую повозку, мобиль, как его здесь называли. Элегантный, стильный, в цветах королевского рода Альтеи, с золотыми гербами на дверях. Правда, порулить мне не дали, а дали водителя, молодого юношу герра Дорина, работавшего ранее механиком в кузнице при дворце. Он несколько раз возил меня по королевскому саду, а потом, спустя месяц, отвез в школу вместе

с двумя телохранителями – слава Богине, женщинами, Зариной и Карой. Эдвард приставил. Перед отъездом он даже не зашел попрощаться. Отправил записку: «Счастливой учебы». И все.

Потом, спустя неделю, я узнала, что меня будут привозить на каждые выходные во дворец, но тогда я даже немного обиделась, думая, что прощаюсь с женихом на год.

С няней я рассталась более сердечно. Санна рассказала, что к ней приходил секретарь Эдварда Рема и предложил на выбор несколько вариантов: или она остается во дворце и служит в детском крыле, или уезжает на родину, король оплатит дорогу в Островерх, или же переселяется в домик на окраине Шалира и живет там на небольшую пенсию, тоже выделенную королем.

Санна выбрала третий вариант. Я страшно обрадовалась. Моя няня остается, и я смогу хоть изредка ее навещать.

Первый день в школе я провела как во сне. Я вдруг попала в прекрасный удивительный хаос. Из почти что безлюдного дворца в шумный галдящий водоворот.

Круг моего общения много лет ограничивался семьей, служанками, фрейлинами. Два года в Шалире я провела почти в изоляции, общаясь с теми, кого по пальцам можно пересчитать. А сейчас меня окружали сотни юношей и девушек. В коридорах было не протолкнуться. В лекторском зале сидело тридцать учеников одновременно. Все разговаривали, знакомились, смеялись, шутили. Я была в шоке оттого, что можно просто так улыбаться, а не по протоколу.

Нет, я не позволяла себе подобного, все-таки я принцесса, будущая королева и обязана держать лицо.

На вводной лекции я инстинктивно выбрала первую парту, самую близкую к выходу. То ли боялась, что придется убегать, а дверь ко мне ближе всего, то ли из-за телохранителей, которые постоянно торчали рядом, и я не хотела, чтобы они маячили в центре зала.

Натаниэль Бридор, директор школы, произнес небольшую вступительную речь, которую из-за волнения я благополучно пропустила мимо ушей, а затем начал знакомить первокурсников друг с другом. Я боялась показать свой интерес, но, увидев, как ученики спокойно оборачиваются, сама принялась краем глаза наблюдать за встающими.

– Ее высочество Лия из рода Горегоров, принцесса Островерха.

Я крупно вздрогнула, когда назвали мое имя. Но быстро взяла себя в руки – тренировки Фенистры помогли. Степенно встала, обернулась к залу и чуть присела в неглубоком приветствии, сохраняя на лице вежливое отстраненное выражение. Глаза юношей и девушек горели от любопытства.

Странно. Многие из них уже видели меня на балах, да и мне несколько лиц показались знакомыми. Я отвернулась и села на место. Сердце колотилось, спина взмокла, руки дрожали, но кое-как я выдержала и не грохнулась в обморок.

Через пару минут шум в ушах стих, и я смогла вновь слышать голос директора. На первом курсе учились три ария. Младшая дочь Велира Хорна, сестра Торуса Хорна – Агата Хорн. Внук главного советника короля, наследник Вертов – Юний Верт. И Ноан Фарх, сын Жулианы Фарх, старшей сестры Кассандры, матери Торуса. То есть кузен Агаты и единственный, кто владеет в школе магией. После того, как директор представил Ноана, дальше я не слушала. Мысленно ахала и обмирала от восторга. Со мной вместе учится настоящий волшебник! Хоть одним глазком посмотрю, как он будет разговаривать с животными!

Поселили меня в апартаменты на втором этаже. Комендант сказал, что в них раньше жил сам Эдвард Рем. Я прониклась важностью, но не заметила в комнате особых изысков, сравнимых с дворцовым роскошным убранством. Все строго и аскетично.

Две небольших комнаты – гостиная и спальня. Крошечная ванная с душем и квадратный коридор с вешалкой. Обстановка была скудной, но добротной – мебель из драгоценных сортов древесины: кровать, полки для книг, шкаф и простенькая узкая кушетка, на которой с трудом

смогли бы уместиться трое. Правда, обтянутая плотной тисненой тканью, наверняка жутко дорогой.

В школе были в основном однокомнатные апартаменты. И для каждого ученика отдельные. Наверное, учителя считали, что одиночество полезно для учебы. А может, хотели избежать скандалов и склок. Я не знала, сколько стоило обучение, за меня платила корона, но, судя по внешнему виду учеников, их одежде, украшениям, каретам и мобилям, на которых они прибыли, здесь учились отпрыски очень богатых семей.

Форму и учебники принесли телохранители. Я сразу же примерила темно-синее платье с узкой юбкой и коротким жакетом. Оно легко надевалось и снималось, даже не нужна была помощь. Обрадовалась – хоть Эдвард мне и выделил в охрану женщин, я не хотела бы, чтобы они торчали в комнате и мозолили глаза. Я уже была шестнадцать лет под надзором, надоело.

В столовую меня провели они же. Зарина осталась стоять у двери, а более молодая Кара прошлась рядом со мной до раздачи, взяла поднос и набрала то, что я обычно ем: кашу с молоком, творожную булочку и какао. Им что, досконально все обо мне рассказали, если они даже об этом знают?

Хоть я была и благодарна за заботу, но в глубине души злилась на навязчивую опеку. Очень хотелось самой разобраться во всем. Делать ошибки, набивать шишки, преодолевать препятствия. Как я научусь, если за меня все будут делать другие?

Лекций в первый день не было. Ученикам дали время на знакомство друг с другом, со школой, территорией, обустройством жилья и прочим.

Вид из окна гостиной и спальни открывался великолепный. Жилой корпус стоял на холме, точнее скале, возвышающейся над морем, и я могла беспрепятственно любоваться бескрайней необъятной синевой. Я никогда в жизни не видела столько воды. В Островерхе мало рек, озер, а про море и говорить нечего. А сейчас оно здесь, прямо передо мной. Такое близкое и далекое, огромное как небо. Тревожащее и успокаивающее одновременно.

Вдалеке, за мысом, виднелся порт и несколько кораблей, пришвартованных к причалу. Отсюда они выглядели крошечными, а люди, снующие туда-сюда, и вовсе мелкими букашками.

Хотелось открыть окно, перегнуться через подоконник, распахнуть в стороны руки и радостно заорать: «Свобода!»

Наконец…

Увы, я понимала, что эта свобода иллюзорна. На меня давит долг, десятки обязательств, обязанностей, предусмотренных договором о помолвке, жесткие рамки этикета. Но могу ли я хоть сейчас на минуту забыть обо всем? Окунуться в учебу, радостную суету, живительную и беззаботную школьную атмосферу?

Глава 6

Школа имела гигантские размеры. На ее территории была приличная конюшня, большой парк с аллеями для конных прогулок, несколько фруктовых садов и крытых оранжерей. Был даже собственный причал с пришвартованными яхтами, на которых юноши тренировались в парусном спорте. Был и такой факультатив.

Я боялась, что не потяну программу, так как, во-первых, я была одной из самых младших, во-вторых, все мои знания – это бессистемное чтение книг и газет. Но зря переживала. Обучение в школе начинали чуть ли не с букваря. Когда на уроке по математике профессор Лейбник попросил перемножить двузначные цифры в столбик, я облегченно выдохнула – потяну.

– Ваше высочество. – Утром в столовой у раздачи ко мне обратилась изумительно красивая девушка, на вид чуть старше меня. Я напрягла память. Точно! Агата Хорн! И как же она похожа на брата! – Мы приглашаем вас за наш столик.

Я вежливо улыбнулась, взяла поднос и направилась за ней. Интересно, совместные завтраки и обеды считаются залогом дружбы? Завести друзей мне хотелось даже больше, чем окончить школу.

За просторным столом у окна сидело двое парней. Их я тоже узнала – Юний Верт и Ноан Фарх. Элита из элит. Поздоровавшись, я села напротив Ноана, краем глаза заметив, как телохранители переместились ближе.

Все принялись есть, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Арии явно были близко знакомы друг с другом, так как общение было непринужденным, а Агата и Ноан вообще являлись родственниками. Я сдержанно улыбалась, коротко отвечала на вопросы, их, слава Богине, было немного.

– Вам нравится в Альтее?

Здесь все просто: ответ – очень нравится.

– Говорят, в вашем королевстве снег да лед?

Согласно кивнула.

– И замуж выдают в четырнадцать?

Пожала плечами.

– Когда планируете свадьбу с его величеством?

Замешательство скрыла за глотком какао. Вопрос был из разряда неудобных. Все зависит от Эдварда, когда скажет, тогда и пойдем в храм. Но ответила уклончиво: жених пока решает политические вопросы с Фракрией и союзниками. А от дальнейшего любопытства ариев спас звонок на лекцию.

Мы встали, отнесли грязные подносы и отправились в учебное крыло. В принципе, ничего страшного. Подружусь. Главное – помалкивать и точно следовать этикету.

Арии держались обособленно, но взяли меня в свой круг. Наверное, им нужно было заполнить четвертое место за столом в столовой, а никто из всех учащихся первого года обучения не подходил по титулу.

Я не относилась к ариям, но ранг высочества ставил почти вровень с выходцами древних магических родов. Хотя мне иногда казалось, что титул ария был гораздо выше какой-то принцесски из замшелой маленькой страны. Но я будущая королева, и это немного примеряло ариев с моей персоной рядом.

Агата была настоящей красавицей. Миниатюрная голубоглазая блондинка с пухлыми по-детски надутыми губками и ямочками на щеках. Когда она улыбалась, сердца всех вокруг замирали от восторга. Я могла ею любоваться, как произведением искусства, втайне завидуя и понимая, что никогда такой не стану. Для этого нужно было родиться уже идеальной. Харак-

тер, конечно, отставал от внешности, и намного. Она на всех смотрела свысока, разговаривала странным визгливым тоном, надменно и немного истерично.

Юний, внук главного советника, был ей под стать. Семья Вертов давным-давно владела магией, но потеряла ее в глубокой древности. Читала, что они могли раскалять свою кожу до высочайших температур. Могли пальцем поджечь камин, ладонью расплавить металл. Магия из крови ушла, а непомерная спесь осталась.

Странно, те арии, кто остался без магии, вели себя более высокомерно и чванливо, чем сами маги. Пусть я видела Денизу Крей пару минут, мне она показалась милой и доброй девушкой. А арий Ноан Фарх, умевший подчинять животных, был самым тихим и спокойным среди нас. Нередко он брал свою кузину за руку, прерывая ее истерические всплески.

– А ты действительно разговариваешь с животными? – не удержалась я от вопроса както за обедом. Меня страшно интересовало все, что связано с волшебством.

– Мы не говорим с животными, – смущенно улыбнулся он, – это общепринятое заблуждение. Мы просто чувствуем их желания. Животные не говорят мысленно и не общаются друг с другом. Увы. Они просто хотят есть, пить, спать, наслаждаться солнцем и теплом, жаждут продолжить свой род и так далее. А мы улавливаем эти желания и можем их менять. Например, я не могу сказать лошади, чтобы она прыгнула через барьер, но могу вложить в ее голову это желание – прыгнуть.

Профессор, ранее учивший меня альтеранскому языку, был прав – легенду о сошествии богов на землю нам рассказали на первой же лекции. Но вот то, что их было ровно тридцать два, оказалось выдумкой летописцев. На самом деле не осталось никаких сведений, сколько было богов в действительности. Тридцать, сорок или сто. Просто после того, как они улетели, в Альтее нашлось ровно тридцать два вида магии. То ли остальная не прижилась, то ли ее все-таки и было тридцать два.

Язык богов стали записывать уже спустя сотню лет по памяти – соответственно, многие слова были утеряны. И до нас дошли лишь две тоненькие книжки.

Год пролетел как одно мгновение. На выходных меня отвозили во дворец. Я по-прежнему присутствовала на ежемесячных, так сказать свадебных, балах, куда приходили девушки и юноши познакомиться друг с другом и найти пару. Балы проводились в последний выходной день месяца и длились по шесть часов. Только эти балы из всех остальных были самыми либеральными, при соответствующей удаче сюда могли попасть даже выходцы из простого народа.

Королевской чете присутствовать на каждом было необязательно, но мы приходили. Мне нужно было нарабатывать репутацию и знакомиться с подданными. А Эдвард очень щепетильно относился к своим королевским обязанностям, совмещая балы с переговорами. Если бы я была тщеславной, то могла бы сказать, что бал – единственный повод для короля увидеться с невестой. Шанс поговорить и потанцевать.

Могла бы… Но я не тщеславная и понимала, что нужна Эдварду примерно как и он мне. То есть никак. Бывало, что за шесть часов мы не говорили друг другу ни слова. Лишь здоровались и прощалась. Мои увлечения, стремления, интерес, моя жизнь были там, в Королевской школе. Во дворце я лишь отрабатывала долг.

Хуже всего мне давались языки. А учить их приходилось целых четыре – языки основных союзников Альтеи. Почему-то король и арии считали высшим мастерством разговаривать с дипломатами других стран на их родном языке. Это вменялось не всем аристократам, слава Богине, но нам четверым пришлось априори выбрать факультатив иностранных языков. Из остальных я выбрала медицину и… боевые искусства.

Друзья и учителя страшно удивились. Агата и вовсе вытаращила глаза и минуту ничего из себя не могла выдавить, что на нее было совсем не похоже. Профессор Нарана, распределявшая среди девочек факультативы, весело приподняла брови.

– Уверены, ваше высочество?

Я была уверена. Мне надоело чувствовать себя слабой, неспособной дать отпор. Пусть словесно я кое-как научилась ставить на место, но есть индивидуумы, которые слов не понимают – их нужно подкрепить силой. Если бы я «случайно» сломала палец Куртану, когда он щипал меня за бедро или хватал за руку, его отношение ко мне изменилось бы. Что я могла сделать со слабыми ручками и ножками? Ничего.

Мой теперешний жених вряд ли поднимет на меня руку, скорее заморозит словами, но умение драться было нужно мне как дополнительная уверенность в своих силах.

В итоге я стала единственной девушкой, выбравшей борьбу. Поэтому учителя мне не выделили, выделили зал, где я смогу заниматься со своими телохранителями. Вызвалась меня обучать Кара. Она ближе всего подходила по возрасту – ей было всего двадцать пять. Правда, тренировки пришлось отложить на месяц-два. Девушка посоветовала для начала каждое утро выходить на стадион и пробегать по десять кругов.

В первый день я смогла еле-еле осилить один, и то к концу задыхалась и обливалась потом. Кара же даже не запыхалась. Она бежала рядом, а Зарина стояла в отдалении, пристально осматривая местность. Мне было жутко стыдно за свое болезненное состояние, но девушка успокоила – начало длинного путешествия начинается с первого шага. Поговорка мне страшно понравилась, и я в течение следующего месяца бездумно ее повторяла, пробегая сначала два круга, потом три, потом и десять.

Кара начала показывать мне приемы, но пока совсем простые – уклонение, освобождение от захвата, бросок в сторону, правильное падение, по-прежнему заставляя большую часть времени тратить на физические упражнения: бег, приседания, подтягивания и прочее. Сначала я злилась. Мне казалось, что, выучив пару подлых приемчиков, я стану непобедимой и смогу отбиться от кого бы то ни было.

Кара только рассмеялась в ответ на мое угрюмое бормотание.

– Любой подлый приемчик, ваше высочество, нужно прикреплять чем-то весомым, – ответила она, – мощным ударом, острым кинжалом, выстрелом из оружия. Если вы с первого мгновения не сокрушите противника, а это можно сделать лишь убийством, – я скривилась, убивать я точно никого не собираюсь, – то на дальней дистанции понадобиться сила, выносливость, умения. А они за пять минут не приобретаются.

Жаль. Зато вместе с кое-какими мускулами я получила нечто гораздо более интересное: здоровый цвет лица, блеск в глазах и, как это ни странно, начавшую приобретать женственные формы фигуру. Я словно сбросила тяжелый груз, всю жизнь гнувший мою спину, выпрямилась и посвежела. А может, это Королевская школа так на меня повлияла?

Тело стало гибче, сильнее, грациознее. Сделали его таким ежедневные упражнения плюс… танцы. Танцевать принцесс начинают обучать чуть ли не раньше, чем ездить на пони. В Островерхе и в Альтее они не сильно разнятся, но некоторые, особо замысловатые, пришлось учить. В Королевской школе танцы являлись обязательным уроком. Герра Лидира, наш преподаватель, знала их великое множество. От круговых народных альтеранских тысячелетней давности до современных, придуманных недавно. В каждой стране был свой традиционный танец. Нам – ариям и мне, будущей королеве, – нужно было их знать назубок. Вдруг нас пригласят в дипломатическую поездку?

На некоторых предметах девушки сидели вместе с парнями, другие лекции были разделены на женские и мужские.

Профессор Нарана вела у нас домоводство. И очень скоро этот предмет стал моим любимым. Женщина была веселой, общительной, остроумной.

Она рассказывала на лекциях обо всем. Как правильно организовать и наладить быт в поместье, выстроить диалог со слугами и родственниками мужа. Сколько дополнительно нужно нанять горничных, официантов, поваров для организации приема на пятьсот или тысячу персон. Сколько потребуется скатертей, приборов, посуды, комнат для отдыха и прочего.

Много лекций отводилось медицине, воспитанию детей и… интимной жизни.

Мы краснели, бледнели, но слушали во все уши про анатомию, строение тел, физиологию мужскую и женскую, процесс занятия любовью и рождения детей. Эрогенные зоны… Великая Мать! Я вообще в первый раз услышала это слово лишь на лекциях Нараны, и мне пришлось, чтобы не опозориться, вечером идти в библиотеку и искать его в словаре.

У нее в классе даже были макеты в полный рост, мужские и женские. Я впервые увидела орган, который… Богиня! Мама и фрейлины бы в обморок грохнулись, произнеси я вслух его название. Дома я не слышала ничего подобного ни от них, ни от сестер. Селеста старше меня на пятнадцать лет и, когда я родилась, была уже замужем. А Виолу после ее свадьбы я ни разу не видела…

В общем, было интересно и познавательно.

Однажды вечером я не стала одеваться после душа. Осторожно подошла к зеркалу и впервые принялась рассматривать себя обнаженную, оценивая, словно со стороны. Грудь увеличилась и даже не умещается в ладони. Но руки у меня маленькие, поэтому это ничего не значит. Худоба еще сильно бросается в глаза, тазовые косточки выпирают, но подтянувшиеся мышцы четко очерчивают бедра, талию и ноги. Белые как снег волосы не по-прежнему раздражали, зато лицо приобрело кое-какие краски. Я еще раньше заметила, что в темно-синей форме школы мои глаза становятся выразительнее и ярче. Теперь они не похожи на куски льда, скорее на светлые топазы. Ресницы и брови, оказывается, у меня рыжеватые, а губы светло розовые, а не алебастровые.

Я потрогала пальцем нижнюю. Провела ладошкой по груди, опустила ее на живот, обвела пупок. Ничего внутри не дернулось. Врут книги об эрогенных зонах. Или их у меня нет, или они работают только с противоположным полом. Жаль, но проверить я это смогу лишь с Эдвардом, более похожим на замороженную мумию, чем на нормального человека.

Он хоть знает о них? Знает, наверное, он же тоже учился в Королевской школе. Интересно, какой будет первая брачная ночь? Я попыталась представить, но в голову ничего не приходило. Перед глазами лишь стояли бледные обнаженные манекены в кабинете профессора Нараны.

С ариями я сдружилась. Выхода не было. Это, конечно, была не та близость, что с Виолой, но мы вместе завтракали, обедали и ужинали, ходили заниматься в библиотеку, сидели на лекциях, катались на лошадях.

Иногда день проходил беззаботно и легко, арии были душками, веселились, шутили, рассказывали о семье, доме, а иногда… Мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда из-за того, что я с ними. Агата кривила идеальные губы, показывая на, как она называла, «очередную выскочку-провинциалку, отец которой заплатил за обучение любимой дочери, чтобы та нашла мужа-аристократа».

– Смотри, Лия, – я с первого дня попросила друзей не называть меня «ваше высочество», – нацепила на себя побрякушки. Думает, что это ей поможет окрутить Юния.

Я лишь прикусила губу, мысленно оправдывая Агату ее воспитанием, высоким титулом, яркой красотой, привычкой всегда и во всем быть первой. Я не показывала, но мне было жаль симпатичную девушку, которая не отрываясь смотрела в сторону нашего столика. Юний, несомненно, был звездой. Все девушки первого курса нацелились его окрутить, а он только наслаждался всеобщим вниманием, назначая свидания то той, то этой. Странно, почему не Ноан? По мне, так волшебник, наследник одной из оставшихся четырех магических семей, гораздо лучше.

На скромного Ноана никто не обращал внимания. А может, причина была в том, что женитьбу каждого мага согласует сам король? Поэтому Фарх автоматически выпадает из гонки за сердце ария?

– Юн, нужно ее наказать за наглость, – не унималась Агата, – назначь ей свидание вечером у себя в комнате, а утром я подговорю Элизу, – эта герра разносила по школе сплетни быстрее ураганного ветра, – она как-бы случайно встретит ее в коридоре утром.

Арий самодовольно подмигнул. Я в очередной раз смолчала. Зря, наверное, я стараюсь не вмешиваться в их странные жестокие развлечения. То ли боюсь, что, если буду возмущаться, они вышвырнут меня из своего круга, то ли тренирую аристократическую отстраненность.

На уроке профессора Нараны, написав краткую анонимную записку, я положила листок в тетрадь юной герры. Но или девушка ее не нашла, или не придала значимости, или ее любовь была сильнее возможного позора, и ночь с Юном не казалась такой уж непомерной платой, но на следующий день все знали об очередной победе ария.

Нравы в школе были не слишком строгими. Парни жили на одних этажах с девушками, разрешались и свидания, и вечеринки, и пикники в саду. Преподавателям было плевать на нравственность, их заботила лишь учеба. Девственность до свадьбы мало кто хранил. Это мне Агата рассказала по секрету. Она, кстати, тоже не собиралась.

Подкосили несчастную не сплетни, а то, что Юн даже не кивнул ей утром в столовой, прошел мимо, словно не знаком. А за раздачей, отвечая на какой-то вопрос парней, громко рассмеялся: «Ничего особенного». Девушка вскоре покинула школу и уехала в свой город. Все решили – сама виновата.

Агата тоже была главным призом, только со стороны юношей. Мало того, что она была самой красивой девушкой среди учениц, так еще и арией, наследницей огромного состояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.